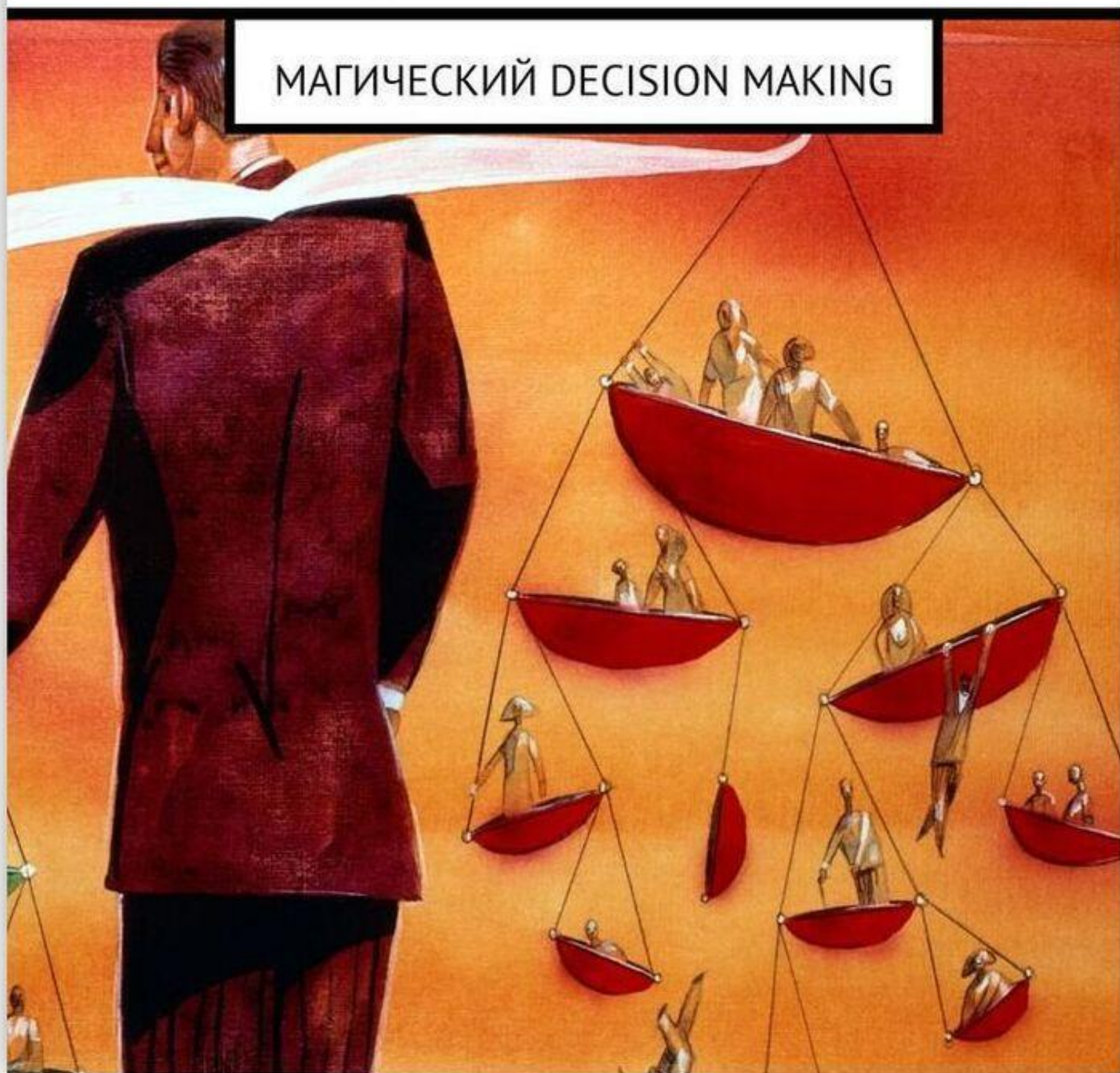

18+

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ФЕДОРОВ

Внерациональные решения

МАГИЧЕСКИЙ DECISION MAKING

Михаил Федоров

**Внерациональные решения.
Магический decision making**

«Издательские решения»

Федоров М. С.

Внерациональные решения. Магический decision making /
М. С. Федоров — «Издательские решения»,

Люди принимают решения иначе, чем принято думать. Не потому что глупы, а потому что рациональность — инструмент с границами. За ними — знаки, совпадения, интуиция, изменённые состояния, авторитет посредника. У этого есть структура. Книга разбирает её через Лосева, нейронауку, святых отцов и реальные кейсы. Это не инструкция. Это карта того, что происходит, когда разум молчит, а решение принимать нужно.

© Федоров М. С.

© Издательские решения

Содержание

Введение: О чем эта книга и почему я её написал	6
Часть I. Теоретический фундамент: Внерациональное как реальность	8
Глава 1. Диалектика мифа Алексея Лосева: почему человек не может жить в плоском мире	8
Глава 2. Мирча Элиаде, Виктор Франкл и Рене Генон: три ответа на вопрос «почему мы вообще переключаемся во внерациональное?»	12
Глава 3. Павел Флоренский и Михаил Бахтин: как меняется взгляд и почему власть любит карнавал	16
Глава 4. Три взгляда на бессознательное: Фрейд, Юнг и Эриксон о магии принятия решений	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Внерациональные решения Магический decision making

Михаил Сергеевич Федоров

© Михаил Сергеевич Федоров, 2026

ISBN 978-5-0070-7191-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение: О чем эта книга и почему я её написал

Люди принимают решения иначе, чем принято думать. Не потому, что они глупы или необразованны, а потому, что рациональность — инструмент с границами. За этими границами начинается другое: знаки, совпадения, интуиция в её сомнительных формах, авторитет посредника, изменённые состояния сознания. У этого другого есть своя структура, своя логика и своя история. Эту книгу я написал, чтобы разобрать эту структуру.

О терминах. Под «магией» в этой книге не имеется в виду только гадание на картах или советы шамана — хотя и они тоже. Магией я называю любой способ принятия решения, при котором человек обращается к непроверяемому источнику (звёздам, картам, духам, «подсознанию» в мистическом понимании) через фигуру посредника (астролога, шамана, таролога, а иногда и бизнес-гуру) и перекладывает на этот источник ответственность за выбор. Название книги — ироничное. «Магический десижн-мейкинг» — это стёб над менеджерским жаргоном, над модой на английские термины, за которыми часто не стоит никакого содержания, и над готовностью принимать ритуал за технологию. Но сам феномен, скрывающийся за этой иронией, — серьёзен. Для его описания я буду использовать также слово «**внерациональное**» — оно нейтральнее и шире. Внерациональные решения — это все решения, принимаемые за пределами аналитического расчёта. Магия — лишь одна из их форм, и далеко не самая интересная. Полководец, принимающий решение в момент предельной неопределённости, и купец, держащий слово в ущерб прибыли, тоже действуют внерационально — но не магически. Различие между этими полюсами — одна из главных линий книги.

До неё были две — о рациональных подходах к решениям¹. О данных, структурированном анализе, управлении рисками. И там, и там я оставался внутри парадигмы, которая считает рациональность нормой, а всё прочее — отклонением. Но чем больше я смотрел на реальные решения — в бизнесе, в политике, в жизни, — тем очевиднее становилось, что отклонение слишком массово, слишком изобретательно и слишком устойчиво, чтобы быть просто ошибкой. Человек, столкнувшийся с неопределённостью, которую не может разрешить рационально, ищет внешнюю опору. И находит её. Вопрос — где. И по каким законам эта опора работает.

Внерациональное принятие решений принимает те же формы, когда менеджер внедряет очередные KPI, не понимая их логики, а просто потому, что «так делают в Google». Когда стратегическая сессия проводится не потому, что есть запрос, а потому что «так принято у успешных». Когда лучшая практика копируется без контекста. Форма копируется, содержание утрачивается, ритуал воспроизводится. Это карго-культ в галстук. Разница между ним и жертвоприношением перед буровой — только в упаковке. Структура одна.

Первая часть книги разбирает теоретическое основание этого феномена. Лосев о мифе как личностной реальности. Элиаде, Франкл и Генон — о том, почему человек вообще переключается во внерациональное. Флоренский и Бахтин — о том, как меняется взгляд и почему власть любит карнавал. Фрейд, Юнг и Эриксон — о бессознательном как источнике магических решений. Нейронауки и квантовая когнитивистика — о границах объяснения. И, наконец, святоотеческое предание — о том, что монахи знали о мыслях и почему их модель через полторы тысячи лет не устарела. Это не интеллектуальная прелюдия. Это необходимость. Без неё любой разговор о магии становится либо насмешкой, либо морализаторством.

Кейсы — во второй части. Там теория встретится с реальностью. Вы увидите, почему структура магического решения едина: от Белого дома до нефтяной вышки в Азии. Почему

¹ 1. Федоров М. С. Качество решений по-русски. 2.0. — М.: Rideró, 2026. — 232 с. — ISBN 978-5-0069-2348-5. 2. Федоров М. С. Решения за кромкой хаоса: производственный роман. — М.: Rideró, 2026. — 238 с. — ISBN 978-5-0069-2351-5.

корейский чеболь перевёл шаману сорок пять миллионов долларов. Почему основательница успешного бренда принимает стратегические решения в гипнотическом трансе. И почему всё это — не глупость отдельных людей, а системный ответ на пустоту, которую современная цивилизация создала, а заполнить не смогла.

Но у этой монеты две стороны. Те же самые механизмы, которые дают человеку иллюзию контроля, могут привести его на дно — в мир, где реальность рассыпается, а голоса начинают командовать. Одна из глав второй части ведёт читателя в пропасть, которую клиническая психиатрия называет шизофренией, но которая изнутри устроена так же, как магия, только без права выхода. Книга не боится этого чёрного полюса, потому что без него не понять природу и белого. Всё это — ветви одного дерева.

Что делать с этой структурой, как её распознавать и где проходит граница между магией и верой, между зависимостью и свободой, — об этом речь в главах, завершающих вторую часть. Спойлер: просвещение не работает. Запреты не работают. Чек-листы и пять шагов к свободе от магии — это та же магия, только в другой упаковке. Но кое-что работает. И это «кое-что» древнее и сложнее, чем хотелось бы тем, кто ищет быстрых решений.

Эта книга не для всех. Если вам нужны инструкции — вы их не найдёте. Если вы ждёте, что автор скажет, как вам жить, — не дождётесь. Если вы уверены, что рациональность — единственный инструмент взрослого человека, а магия — удел глупцов, — вы не узнаете ничего нового, а книга покажется вам тратой времени. Но если вы когда-нибудь замечали за собой, что в моменты настоящей неопределённости разум молчит, а рука тянется к чему-то, что нельзя объяснить, — возможно, мы говорим на одном языке.

Санкт-Петербург, 2026

Часть I. Теоретический фундамент: Внерациональное как реальность

Глава 1. Диалектика мифа Алексея Лосева: почему человек не может жить в плоском мире

В 1930 году в Москве вышла книга человека, которого через несколько месяцев арестуют по сфабрикованному делу и отправят на строительство Беломорско-Балтийского канала. Алексея Фёдоровича Лосева спасут тогда от расстрела европейская известность и заступничество Горького, но книга его — «Диалектика мифа» — останется. Она переживёт и лагерь, и советскую власть, и самого автора. Сегодня она читается как один из самых смелых философских текстов XX века о том, как человек делает реальность.

Зачем Лосев в книге о принятии решений? Современная наука описывает ошибки, искажения, сбои. Она говорит, что человек ошибается потому, что его мозг экономит энергию, использует эвристики и подвержен эмоциям. Это правда, но это взгляд снаружи — взгляд экспериментатора, который знает «правильный» ответ. Лосев предлагает иное: посмотреть на магическое сознание изнутри, не как на ошибку, а как на особую реальность, в которой человек живёт не меньше, чем в реальности цифр и фактов. Без этого внутреннего взгляда мы никогда не поймём, почему умный человек в кризисе идёт к гадалке; мы будем бесконечно удивляться «глупости» и упускать суть.

Лосев начинает с утверждения, которое на любом позитивистском семинаре сочли бы провокацией: **миф — это не выдумка, не ложь и не примитивная форма знания, которую человечество по мере развития счастливо изжило**. «Под мифом обычно понимается выдумка, ложь, сказка, — пишет он, — и притом совершенно сознательная, ни в какой мере не принимаемая за действительность». И тут же возражает: это определение не годится уже потому, что оно исходит из «слепого доверия к научному мировоззрению и к науке вообще».

Для стороннего наблюдателя миф — действительно выдумка. Антрополог, изучающий меланезийский карго-культ, видит соломенные макеты самолётов и понимает, что никакой связи между этими макетами и прилётом грузов нет. С его внешней позиции это чистая выдумка, ложная причинно-следственная связь. Но Лосев не отменяет этой внешней правоты. Он говорит о другом: для человека, который находится внутри мифа и переживает его как единственную доступную реальность, эта связь не выдумана. Он не притворяется и не обманывает себя сознательно — он просто живёт в мире, где соломенный самолёт и настоящий связаны не физической причинностью, а магическим подражанием.

Чтобы определить миф позитивно, Лосев проводит его через ряд отрицаний.

Миф не есть выдумка. Выдумка предполагает сознательный обман, но человек, живущий в мифе, не обманывает — он живёт. Когда чиновник сверяет график с астрологом, он с внешней позиции заблуждается; но изнутри он не «притворяется, что верит», — он действительно переживает звёзды как живых собеседников.

Миф не есть научное построение. Лосев не противопоставляет миф и науку как ложь и истину. Для него наука — тоже миф, но миф особого рода. Научный миф оперирует безличными законами, причинно-следственными связями. Это не «более истинная» реальность, а просто иная мифическая реальность, в которой нет места личному обращению, чуду или знаку. Проблема не в том, что наука «неправильная», а в том, что она не может заменить собой все остальные мифы: человек не может жить только в научном мифе, потому что научный миф не

отвечает на вопросы о смысле, судьбе и личном. «Наука не может разрушить мифа, — пишет Лосев, — она только сознаёт его».

Миф не есть идеальное бытие. Для платонической традиции подлинная реальность — это мир идей, бесплотных сущностей. Лосев решительно против. Мифическая реальность не парит над материальным миром, но пронизывает его. Дух реки не существует отдельно от реки — он проявляется через неё. Болезнь — не абстрактная идея, а конкретное страдание, имеющее имя. Это важно для понимания магии: она не работает в чистом сознании, ей нужна материальная опора. Ритуал, предмет, тело, слово — без этого миф бессилён.

Миф не есть метафора или аллегория. Лосев спорит с теми, кто видит в мифе только поэтический образ, за которым скрывается рациональное содержание. «Зевс — это метеорологическое явление», «Афродита — это сила любви» — для Лосева такие объяснения убивают миф. Миф не говорит «нечто иное» через образы, но говорит прямо. Зевс — это Зевс. Гадалка не «символизирует» доступ к тайному знанию — она действительно, по мнению клиента, этот доступ имеет.

После всех отрицаний Лосев даёт позитивное определение, которое я считаю главным открытием этой главы для понимания внерациональных решений. **«Миф, — пишет он, — есть бытие личностное, или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности».** Что значит «личность» в этом контексте? Не путать с современным психологическим понятием индивидуальности. У Лосева личность — это любая сущность, обладающая самосознанием, волей, чувством и — принципиально — телом. Но тело здесь понимается шире: это форма проявления, через которую личность являет себя. Дух реки не имеет плоти, но он имеет своё тело — реку, её течение, голос, берега. Икона — тело святого. Ритуальный жест — тело молитвы.

Главный тезис: для мифического сознания весь мир населён такими личностями. Река имеет своего духа, который гневается или милует. Звёзды не просто светят — они взирают и предопределяют. Болезнь — не сбой в биохимических процессах, а чья-то злая воля. Рынок — не безличный механизм спроса и предложения, а живая сила, которая может «отвернуться» или «смиловаться». Миф — это всегда «кто», а не «что».

Этот переход от безличного «что» к личностному «кто» — ключ к магическому десижн-мейкингу. Современный человек, который в обычной, «профанной» жизни рассуждает о КРП и рыночных механизмах, в момент стресса или неопределённости легко переключается в этот лосевский режим. Представьте собственника, который перед подписанием контракта с новым партнёром вдруг начинает проверять его дату рождения — совместимость по знаку зодиака. Он не глуп; он просто в этот момент видит в звёздах не газовые шары, а живых собеседников. Или топ-менеджера, который, получив два противоречивых прогноза, в отчаянии открывает книгу на случайной странице и принимает первую попавшуюся фразу за знак. Он ищет не объяснения, а имени для той силы, которая давит на него.

Лосев идёт дальше и даёт этому акту называния предельно сильную формулу: **миф есть «развёрнутое магическое имя».** В архаических культурах знание истинного имени божества, духа или болезни означало власть над ним. Произнести имя в правильном ритуале — значит принудить силу явиться, уйти или изменить своё действие. Гадалка даёт ситуации имя, и бесформенный ужас обретает форму: «Это — порча», «Это — неблагоприятное положение Марса», «Это — твой кармический узел». Как только имя произнесено, мир из хаоса превращается в историю.

Самый известный пример мифического сознания, работающего по лосевским законам, — уже упоминавшийся карго-культ меланезийских племён. Во время Второй мировой войны островитяне наблюдали за американскими военными: самолёты привозили грузы, солдаты строили взлётно-посадочные полосы и передавали друг другу непонятные знаки. После того как военные ушли, туземцы, желая вернуть поток грузов, принялись имитировать увиденное

— строить из соломы макеты самолётов, сооружать подобия взлётных полос и надевать самодельную униформу. С внешней позиции антрополога это трагикомичное заблуждение, но для самих островитян оно не таково: они просто живут в мифе, где подражание форме даёт доступ к силе, которая эту форму породила.

Теперь присмотримся к современному менеджеру. Он не глупее нас с вами, но в момент принятия решения живёт в другом мифе, нежели тот, который предписывает собирать данные, анализировать риски и советоваться с экспертами. **Человек постоянно переключается между разными мифами.** С утра мы рациональные менеджеры, работающие с отчётами. В обед мы слушаем астрологический прогноз и ловим себя на мысли, что «скорпионам сегодня не стоит начинать новое». Вечером мы стучим по дереву, чтобы не сглазить удачу. Каждый из этих переходов — смена мифа.

Магическое сознание включается не только у гадалок, но везде, где заканчивается наша уверенность и мы не знаем, что делать, — там, где анализ не даёт однозначного ответа, а решение принимать нужно.

Возьмём кайдзен — философию непрерывных улучшений, которую прославила Toyota. В оригинале это система, основанная на конкретных методах анализа потока создания ценности, стандартизации и обратной связи. Но многие компании внедряют кайдзен как ритуал: проводят «кайдзен-недели», заполняют «кайдзен-листы», нанимают «кайдзен-коучей» — при этом не имея ни малейшего представления о том, как устроена производственная система Toyota. Они строят соломенные макеты самолётов, искренне веря, что форма сама по себе принесёт результат. **Это чистый карго-культ, только в галстуке.** И таких примеров десятки: «лучшие практики», скопированные без понимания контекста; OKR, внедрённые как бюрократический ритуал; «стратегические сессии», которые проводят потому, что «так делают все успешные».

Почему же магическое решение так устойчиво, даже когда оно явно противоречит фактам? Здесь вступает в действие механизм, который когнитивная психология называет мотивированным рассуждением. Если предсказание сбылось — метод подтверждён; если не сбылось — значит, мы недостаточно верили, неправильно провели ритуал, или результат нужно интерпретировать иначе. Метод всегда прав. Лосев описал это задолго до когнитивной психологии: миф не может быть опровергнут изнутри, потому что он сам задаёт критерии истины. Наука признаёт свои ошибки и учится на них; магический миф — нет. Именно эта некорректируемость делает его таким привлекательным для человека, который боится неопределённости.

Изнутри любого мифа — астрологического, магического, корпоративного — все решения логичны и рациональны. Проблема не в том, что люди глупы. Проблема в том, что они находятся внутри и не видят своей системы координат со стороны. Снаружи карго-культ выглядит как заблуждение. Изнутри — как единственно возможный способ жить в мире, где самолёты приносят грузы, а ритуал даёт доступ к силе.

Лосев показал, как устроено мифическое сознание: личностно, именуя, чудесно. Но вопрос почему остаётся открытым. Почему человек вообще переключается в этот режим? Почему не живёт постоянно в мифе цифр и фактов? На этот вопрос отвечают трое мыслителей, к которым мы теперь обращаемся — Мирча Элиаде, Виктор Франкл и Рене Генон.

Ссылки к главе:

— Лосев А. Ф. *Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа»* / А. Ф. Лосев; сост., подгот. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. Л. Троицкого; вступ. ст. А. А. Тахо-Годи; примеч. В. П. Троицкого. — М.: Мысль, 2001. — 559 с. — (Философское наследие; т. 130). — ISBN 5-244-00969-9.

— Letiche H. *The Magic of Organization* / H. Letiche, S. A. Linstead, J.-L. Moriceau. — Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2020. — 320 p. — ISBN 978-1-83910-672-9

(cased). — ISBN 978-1-83910-673-6 (ebook) (в главе не упоминается, дано для интересующихся темой).

Глава 2. Мирча Элиаде, Виктор Франкл и Рене Генон: три ответа на вопрос «почему мы вообще переключаемся во внерациональное?»

Лосев блестяще показал, что мифическое сознание — не ошибка, но особая реальность, в которой человек живёт не меньше, чем в реальности цифр и фактов. Он объяснил, как устроен миф: лично, именуя, чудесно. Однако вопрос почему остаётся открытым. Почему человек вообще переключается в этот режим? Почему не живёт постоянно в рациональном, аналитическом, научном мифе? Что заставляет умного, образованного, успешного человека в момент кризиса искать знаки, совпадения, советы гадалок?

На этот вопрос отвечают трое мыслителей, к которым я теперь обращаюсь, — очень разные по своим исходным позициям. Румынский историк религий Мирча Элиаде (1907—1986) объясняет потребность в священном. Австрийский психиатр Виктор Франкл (1905—1997), прошедший Освенцим, — экзистенциальный вакуум. Французский философ-традиционалист Рене Генон (1886—1951) — разрушение традиции и её подмену суррогатами. Каждый из них по-своему показывает, что внерациональное принятие решений — не случайный сбой, но закономерный ответ на глубинные человеческие потребности, которые современная секулярная цивилизация не удовлетворила, а загнала в подполье.

Начну с Мирчи Элиаде, который создал, возможно, самую влиятельную в XX веке теорию того, как религиозный человек воспринимает пространство и время. Элиаде не был богословом; он был феноменологом религий, то есть исследователем, который стремился понять религиозный опыт изнутри, не сводя его к социальным, экономическим или психологическим причинам. Именно эта установка делает его незаменимым для моего разговора.

Центральное различие, которое проводит Элиаде, — между сакральным (священным) и профанным (мирским). Для современного человека, живущего в секулярном, обезбоженном мире, это различие почти стёрто. Мы привыкли, что пространство однородно (метр — он и в космосе метр), время линейно и равномерно, а причины и следствия связаны механическими, безличными законами. Элиаде показывает, что такое восприятие мира — историческая аномалия, продукт Нового времени. На протяжении почти всей своей истории человечество жило иначе: мир был разделён на две сферы — профанную, повседневную, где действуют обычные законы, и сакральную, где в мир вторгается нечто запредельное, несоизмеримое с человеческими мерками.

Сакральная сфера не рассеяна равномерно, но проявляется в определённых местах и в определённые моменты. Элиаде называет такое проявление иерофанией (от греческого *hieros* — священный и *phainein* — являть). Камень, дерево, гора, река, храм, икона — любой предмет может стать иерофанией, точкой, где профанное пространство разрывается и открывается пространство иное, сакральное, подлинное. Для моего исследования это различие оказывается ключевым, ибо оно объясняет, почему внерациональные консультанты — гадалки, астрологи, шаманы — так часто работают в особой, ритуально оформленной обстановке, почему они выбирают «правильное» время для сеанса, почему клиент описывает свой опыт как «особый», «не такой, как все». Они переживают иерофанию. Комната, где гадают на картах Таро, в момент сеанса становится сакральным пространством, разрывом в однородной ткани профанного мира. Астролог, составляющий гороскоп, становится посредником между профанным временем (которое течёт равномерно) и временем сакральным (которое имеет качество, знак, судьбу).

Элиаде утверждал, что человек не может жить без сакрального. Потребность в иерофании, в разрыве однородной ткани профанного — это не прихоть и не культурный конструкт, но

экзистенциальная, антропологическая константа. Даже самый закоренелый атеист в моменты кризиса, страха или предельной неопределённости начинает искать «знаки», «совпадения», «что-то такое, что выше нас». Именно эту потребность, эту тоску по иерофании, и обслуживает внерациональное принятие решений. Однако обслуживает она её в условиях, когда традиционные, легитимные каналы сакрального (церковь, таинства, молитва, община) либо отвергнуты, либо атрофированы. У человека есть потребность в священном — и нет храма, куда он мог бы пойти с этой потребностью. Тогда он идёт к гадалке. Не потому, что глуп, но потому что гадалка оказывается единственным оставшимся в его мире посредником между профанным и сакральным.

От Элиаде перейду к Виктору Франклу. Он прошёл Освенцим и Дахау, потерял в лагерях всех близких и именно из этого опыта вынес убеждение: человек может вынести любое «как», если у него есть «зачем». Франкл не был богословом; он был психиатром, основателем третьей венской школы психотерапии — логотерапии. Однако именно его светская позиция даёт мне язык для описания того, что происходит с человеком, когда мир теряет смысл.

Центральное для Франкла понятие — воля к смыслу. Он противопоставляет её как фрейдовскому «принципу удовольствия», так и адлеровскому «стремлению к власти». Первичная мотивационная сила человека — это не удовольствие и не власть, а поиск и реализация смысла. Человек не спрашивает «что я могу получить от жизни?»; он отвечает на вопрос, который жизнь задаёт ему: «что ты делаешь с тем, что тебе дано?» Смысл, по Франклу, открывается человеку в конкретной ситуации, когда он совершает свободный выбор в пользу той или иной ценности.

Второе ключевое понятие Франкла — экзистенциальный вакуум. Он ввёл этот термин для описания массового феномена послевоенного западного общества, когда человек, освобождённый от инстинктов и от традиций, вдруг обнаруживает, что не знает, чего он хочет. Ему больше не нужно бороться за выживание и не нужно подчиняться авторитету церкви или общины, но эта свобода оборачивается не радостью, а пустотой. Он делает то, что делают другие (конформизм), или то, что ему говорят делать (тоталитаризм), или то, что диктуют его инстинкты. Экзистенциальный вакуум проявляется в скуке, апатии, депрессии, в чувстве бессмысленности происходящего.

Здесь анализ Франкла напрямую смыкается с моим исследованием. Экзистенциальный вакуум не является изобретением второй половины XX века; это состояние систематически воспроизводится в обществах, которые в процессе секуляризации утрачивают традиционные религиозные структуры, дававшие человеку ответ на вопрос о смысле его существования. В России и на постсоветском пространстве этот процесс принял особенно драматические формы: сначала большевики попытались уничтожить Церковь физически, затем крах советской идеологии оставил огромный вакуум. В этом вакууме потребность в смысле не исчезла, но обострилась — и нашла выход в самых примитивных, дешёвых и опасных формах, включая массовое обращение к гадалкам, астрологам, тарологам.

Просветитель, глядя на расцвет эзотерики, обычно испытывает недоумение. Ему кажется, что достаточно объяснить людям, что звёзды — это термоядерные шары, а гадание — комбинация эффекта Барнума и холодного чтения, как потребность в магии исчезнет сама собой. Однако просвещение не лечит экзистенциальный вакуум, потому что экзистенциальный вакуум — это не дефицит информации, но дефицит смысла. Человек может прекрасно знать, что гороскоп — псевдонаука, и всё равно сверять с ним важное решение, ибо ему нужно не знание, а уверенность, надежда, чувство, что кто-то свыше о нём заботится.

Франкл прямо писал об опасности суррогатных форм обретения смысла, различая подлинные и неподлинные ценности. Подлинные ценности требуют от человека усилия, свободного выбора, принятия ответственности. Неподлинные ценности — те, которые не требуют усилия, которые можно купить, получить по рецепту. Гадалка предлагает именно неподлинную

ценность: она даёт смысл без поиска, ответ без вопроса, уверенность без риска. Человек, уставший от неопределённости, хватается за этот ответ. Но плата оказывается высокой: его воля атрофируется, его способность к свободному выбору угасает, и он превращается в пассивного реципиента магических «ответов», не имеющих ничего общего с подлинным смыслом.

Наконец, третий мыслитель в этой главе — Рене Генон, фигура, быть может, самая радикальная из всех, к кому я обращаюсь. Французский философ, родившийся в 1886 году и умерший в 1951 году в Каире, проделал путь, который для многих остался непонятым: от католицизма и увлечения оккультизмом до принятия ислама и суфизма, от академической философии до резкой, бескомпромиссной критики западной цивилизации. Генон не был богословом в христианском смысле, но он дал язык для описания того, чем магия отличается от подлинной духовной традиции — и одновременно почему в современном мире они так легко смешиваются.

Центральное для Генона различие проходит между традицией и современностью, понимаемыми не как хронологические периоды, но как два онтологических состояния общества. Традиционное общество сохраняет связь с высшими, трансцендентными принципами бытия. В таком обществе всё — от политической организации до ремесла — укоренено в сакральном, однако это не означает отсутствия рациональности. Рациональное мышление (логика, причинно-следственный анализ, расчёт) существовало всегда. Античные инженеры, средневековые строители соборов, исламские математики были вполне рациональны. Разница в другом: в традиции рациональное не было оторвано от высших уровней знания. Знание имело иерархию: экзотерический уровень (внешний, доступный всем, включающий в том числе рациональные методы) и эзотерический (внутренний, доступный лишь прошедшим инициацию). Рациональность была инструментом, а не царицей.

Современный западный мир, напротив, представляет собой радикальный разрыв с этой иерархией. Рациональность эмансипировалась, стала самодостаточной, оторвалась от своих высших принципов. Этот разрыв начался ещё в эпоху Возрождения, продолжился в Реформации и Просвещении, и итогом его стал кризис, который проявляется в утрате смысла, в доминировании количества над качеством, в механистическом мировоззрении.

Для моего исследования геноновский диагноз имеет прямое значение. Генон показал, что отказ от подлинной традиции не ведёт к освобождению человека, но, напротив, создаёт духовный вакуум, который немедленно заполняется суррогатами. Современный человек, порвавший с Церковью, но сохранивший неистребимую потребность в священном, обращается к магии — но не к той магии, которая в традиционных обществах была частью эзотерического знания, строго регламентированной и подчинённой высшим метафизическим целям, а к магии как к дешёвому, коммерческому, оторванному от всякой традиции «обслуживанию» его частных желаний. Рациональность же, оторванная от высших принципов, не может заполнить образовавшуюся пустоту — потому что она отвечает на вопросы «как?», но не на вопросы «зачем?» и «почему?».

Генон вводит различие, которое для моей темы оказывается ключевым: между истинной инициацией и псевдоинициацией, между эзотеризмом и псевдоэзотеризмом. Современный оккультизм, астрология, гадание на картах Таро в их массовом, коммерческом виде — это не возврат к истокам, но вырождение, пародия. Более того, Генон вводит понятие контртрадиции — ложного духовного измерения, системы, которая имитирует формы подлинной инициации, использует её символы, ритуалы и термины, но наполняет их прямо противоположным, разрушительным содержанием. Это не просто ошибка, но деятельность, направленная на то, чтобы увести человека от истины.

В этом понятии контртрадиции я нахожу мощный инструмент для анализа внерационального принятия решений в его крайних, магических формах. Гадалка, к которой приходит чиновник или бизнесмен, — это, как правило, не носительница подлинной традиции, но про-

дукт псевдоэзотерической индустрии. Она использует символы (карты Таро, гороскоп, руны), которые когда-то были частью реальных эзотерических систем, но вырвала их из контекста и превратила в инструмент для удовлетворения сиюминутных запросов. Она обещает власть над судьбой, но не требует никакого духовного усилия. Она занимает место, которое по праву принадлежит подлинной духовной традиции, но заполняет его суррогатом.

Три мыслителя, три ответа на вопрос «почему?». Элиаде говорит: потому что человек не может жить без священного, без разрыва профанной ткани мира. Франкл говорит: потому что человек не может жить без смысла, а современный мир создал экзистенциальный вакуум, который внерациональные практики обещают заполнить. Генон говорит: потому что подлинная иерархия знания разрушена (рациональность оторвалась от высших принципов, а традиция утрачена), и на её место пришли суррогаты, которые выглядят как духовность, но ведут в противоположную сторону.

Вместе они объясняют, почему внерациональное принятие решений — не случайность и не глупость, но системный ответ на фундаментальные человеческие потребности, оставленные без внимания секулярным обществом. Пока эти потребности не будут удовлетворены иным, подлинным способом, люди будут переключаться во внерациональный режим. Астрологи будут составлять гороскопы для президентов, шаманы — консультировать глав корпораций, тарологи — раскладывать карты для чиновников. Не потому, что клиенты глупы, а потому что они — люди.

Ссылки к главе:

— Элиаде М. *Священное и мирское* / М. Элиаде; пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. — М.: Издательство Московского университета, 1994. — 144 с. — ISBN 5-211-03160-1.

— Франкл В. *Воля к смыслу* / В. Франкл; пер. с англ. Л. Сумм; ред. К. Чистопольская. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018. — 228 с. — ISBN 978-5-91671-848-5.

— Франкл В. *Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере* / В. Франкл. — М.: Смысл, 2016. — ISBN 978-5-89357-356-7.

— Генон Р. *Кризис современного мира* / Р. Генон; пер. Н. Мелентьевой [и др.]. — М.: Эксмо, 2008. — 784 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-699-30172-0.

— Генон Р. *Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте: [избранные сочинения]* / Р. Генон; пер. с фр. Т. Б. Любимовой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Беловодье, 2003. — 478 с. — ISBN 5-93454-038-6.

Глава 3. Павел Флоренский и Михаил Бахтин: как меняется взгляд и почему власть любит карнавал

Лосев объяснил, что такое мифическая реальность; Элиаде, Франкл и Генон — почему человек в неё переключается. Теперь предстоит ответить на вопрос: как именно меняется восприятие мира в момент этого переключения? Что происходит со взглядом человека, когда он перестаёт быть «рациональным аналитиком» и начинает видеть знаки, слушать астрологов, доверять гадалкам? И что происходит с его местом в иерархии, с его отношением к авторитетам?

Два мыслителя помогают мне с ответом. Павел Флоренский (1882—1937) — священник, математик, инженер, богослов, расстрелянный на Соловках. Михаил Бахтин (1895—1975) — филолог, философ культуры, исследователь Рабле и Достоевского, переживший ссылку и нищету. Они очень разные. Флоренский смотрит вглубь — в природу имени, в икону, в антиномию веры. Бахтин смотрит вширь — на диалог голосов, на карнавальную стихию, на границы между серьёзным и смеховым. Однако их оптики дополняют друг друга, когда я пытаюсь понять, что происходит с человеком, который вроде бы знает, как работают рынки и отчёты, но в кризисный момент идёт к гадалке или начинает внедрять «лучшие практики» как ритуал.

Начну с Флоренского. В центре его философии — имя, понятое не как условный ярлык, но как энергия, которая связывает называемое и называющего. Флоренский был глубоко вовлечён в имяславские споры, потрясшие русское православие в начале 1910-х годов. Суть спора, если предельно упростить, такова: является ли имя Божие энергией Самого Бога или это просто человеческое обозначение, условный ярлык? Для имяславов имя Божие было неотделимо от Божественной сущности — произнося Иисусову молитву, монах реально соприкасался с Божеством. Для их противников, имяборцев, это была опасная магия. Флоренский решительно встал на сторону имяславов, но его аргументация выходила далеко за пределы богословия. Он утверждал, что имя — это не условный знак, но энергетическая связь между именуемым и именующим; имя не просто указывает на предмет, оно приносит с собой часть его реальности.

Для современного рационального сознания это звучит наивно. Однако Флоренский, как и Лосев, не пытается вписать своё понимание в прокрустово ложе просвещенческого разума. Он исходит из другого: мир не распадается на субъект и объект, на «вещь-в-себе» и «явление». Между познающим и познаваемым существует реальная связь, и имя есть один из каналов этой связи. Именно поэтому в архаических культурах знание тайного имени божества давало власть над ним, а переименование человека было равносильно второму рождению.

Перенесу это в свой контекст. Когда чиновник или бизнесмен приходит к гадалке, он приходит не за прогнозом в современном смысле — он приходит за именем. Его проблема до этого момента была разлита в мире, бесформенна, неуловима. Он чувствовал давление, тревогу, страх, но не мог сказать, кто или что является их источником. Гадалка произносит: «Это порча», «Это кармический узел», «Это неблагоприятное положение Сатурна». И в этот момент проблема обретает имя, а значит, и форму, и границы, и способ борьбы с ней. Пока болезнь не названа — она ничто; как только названа — она становится чем-то, с чем можно работать. Гадалка не обманывает клиента, когда называет имя его проблемы — или, точнее, она обманывает его не в том смысле, что имя ложно, а в том, что источник, откуда она это имя получает, совсем не тот, за кого себя выдает. Однако для клиента, переключившегося во внерациональный режим, это не имеет значения. Имя дано — и мир снова стал понятным.

У Флоренского есть ещё одна идея, не менее важная для моей темы. Это теория обратной перспективы, разработанная им в работах об иконе. В эпоху Возрождения европейская живопись утвердила прямую перспективу, при которой линии сходятся в одной точке на горизонте, а зритель оказывается неподвижным центром мира, измеряющим все предметы от себя. Мир

картины — это продолжение мира зрителя, он подчиняется тем же геометрическим законам. Обратная перспектива иконы работает иначе. Линии в ней не сходятся, а расходятся; предметы часто нарисованы так, как будто мы видим их с разных точек зрения одновременно; масштаб фигур определяется не их положением в пространстве, но их духовной значимостью. Икона адресована не падшему, «эвклидовскому» взгляду человека, но его духовному, «умному» зрению. Это мир, где Богородица может быть больше апостолов не потому, что она стоит ближе, а потому что она важнее; мир, где время течёт не линейно, а циклически или многомерно.

И вот здесь — ключ к пониманию внерационального принятия решений, который Флоренский даёт мне, даже не подозревая об этом. Человек, обращающийся к гадалке или доверяющий «знаку», в этот момент смотрит на мир в обратной перспективе. Он перестаёт быть ренессансным человеком с его рациональной геометрией; он отказывается от позиции внешнего, объективного наблюдателя; он погружается внутрь мифа, где законы причинности не работают, где знак может быть важнее причины, а имя — могущественнее факта. Для него цифры отчёта — это не данные, но символы. Для него удачное расположение планет — не астрономический факт, но благосклонность личностных сил. Для него гадалка — не мошенница, но посредник между его миром и миром «горним», который в обычном, «профанном» состоянии ему недоступен. Просвещенческая критика магии ошибается именно здесь: она пытается навязать магическому сознанию правила прямой перспективы, тогда как это сознание уже переключилось на обратную. Оно смотрит на мир иначе.

От Флоренского перейду к Бахтину, который добавляет к этой статичной картине динамическое измерение. Если Флоренский описывает оптику внерационального сознания, то Бахтин описывает его событие — то, что происходит в момент, когда человек переступает порог гадалки или, вместо того чтобы созвать совет, открывает книгу на случайной странице в поисках знака.

Центральное для Бахтина понятие — диалог, но не в бытовом смысле разговора двух людей. Для Бахтина диалог — это фундаментальная категория бытия, способ существования человека и культуры. Человек никогда не находится в безразличном, нейтральном отношении к миру; он всегда участвует в нём, отвечает на его вызовы и обращается к нему со своими вопросами. Нет «объективной» точки зрения, с которой можно было бы обозревать мир как картину; есть только множество точек зрения, находящихся в диалогическом отношении друг к другу. Истина, по Бахтину, не лежит в одном «правильном» голосе, но рождается между голосами.

В применении к моему предмету это означает, что феномен внерационального принятия решений нельзя понять, оставаясь внутри одного-единственного голоса — например, голоса рационального аналитика, который объясняет всё когнитивными искажениями. Нужно услышать несколько голосов одновременно: голос чиновника, ищущего контроля над хаосом; голос гадалки, предлагающей имя и этот контроль; голос официальной процедуры, которую внерациональное решение нарушает; голос традиции, из которой оно вырастает. И каждый из этих голосов имеет свою правду — не полную, не окончательную, но реальную.

Из понятия диалога вытекает другое, более сложное бахтинское понятие — хронотоп, что буквально означает «время-пространство». Бахтин ввёл этот термин в литературоведении, чтобы показать, что в каждом жанре время и пространство связаны особым, внутренним образом. В античном приключенческом романе время течёт «авантюрно» — оно не связано с реальным взрослением героя, а пространство представляет собой безликое «чужое место», где с героем могут приключиться любые чудеса. У Достоевского рождается «полифонический» хронотоп, где время сжимается до предела — до мгновения, когда принимается решение, — а пространство становится пересечением множества сознаний.

Что даёт мне это понятие для анализа внерационального? Решение, принятое под влиянием гадалки или астролога, разворачивается в особом, магическом хронотопе, который имеет

свою структуру времени и свою структуру пространства. Время в этом хронотопе не линейно и не однородно, но событийно: есть «благоприятные» и «неблагоприятные» моменты, точки бифуркации, когда судьба может повернуть. Именно поэтому астрологи так настаивают на правильном выборе даты: для них время не нейтральная длительность, но качественно различная субстанция. Пространство в этом хронотопе тоже не нейтрально: есть «сильные» и «слабые» места, места, где легче совершить ритуал, и места, где тяжелее получить ответ. Гадалка, шаман, даже просто специально оборудованная комната для сеанса — это уже не просто «место работы», но иной, сакрально маркированный топос.

Самая важная для меня бахтинская интуиция связана с понятием карнавала. В своей знаменитой книге о Франсуа Рабле и народной смеховой культуре Бахтин показал, что карнавал — это не просто праздник и не просто развлечение, но вторая жизнь человека и общества, устроенная по принципу «мира наизнанку». На карнавале отменяются все обычные, серьёзные иерархии: король может стать шутом, шут — королём, раб — господином. На карнавале действуют свои законы — закон вольности, фамильярности, откровенности, кощунственного смеха над святынями. Но самое важное: карнавал не просто «отдых» от серьёзной жизни; он открывает в человеке и обществе такие глубины, которые в официальной, иерархической культуре подавлены и скрыты. Это момент, когда человек сбрасывает с себя социальную маску и предстаёт в своей подлинной стихии.

И вот теперь — главный тезис, который связывает Бахтина с моим предметом. Обращение к гадалке, к астрологу, к магическому совету — это своего рода карнавальный акт в жизни политика или бизнесмена. В обычной, серьёзной жизни он подчиняется законам рациональности, иерархии, формальных процедур. Он — начальник, он — ответственное лицо. Но в момент, когда он переступает порог гадалки и задаёт свой вопрос картам или звёздам, он временно отменяет этот официальный мир. Он позволяет себе то, что в серьёзной жизни немыслимо: довериться иррациональному, отдать ответственность «потусторонним силам», признать, что не он — хозяин своей судьбы. Чиновник, который на совещании не может слова поперёк сказать, у гадалки вдруг становится уязвимым, открытым, почти детским. Магия предлагает ему то, чего не может дать ни один официальный советник: не просто прогноз, но карнавальный перерыв в серьёзности власти, возможность на время перестать быть начальником и стать просто человеком, которому страшно.

Однако здесь же — и главная опасность, которую бахтинский анализ высвечивает с беспощадной ясностью. Карнавал, по Бахтину, — явление временное. Он имеет чёткие границы во времени и пространстве. После карнавала люди возвращаются в свои обычные роли, и иерархия восстанавливается. Внерациональное принятие решений в его магических формах, напротив, стремится эту границу стереть. Чиновник, однажды получивший от гадалки «правильный» ответ и убедившийся (или вообразивший, что убедился) в его эффективности, выносит карнавальный отношение за пределы карнавала. Он начинает принимать официальные, государственные решения, исходя из логики, которая родилась в перевёрнутом мире. Это всё равно что пытаться управлять армией, руководствуясь законами карнавального шествия.

Лосев показал, что миф реален и что внерациональное — не ошибка, но особая реальность. Элиаде, Франкл и Генон объяснили, почему человек переключается в эту реальность. Флоренский и Бахтин добавляют к этому понимание того, как именно эта реальность действует на человека, принимающего решение: Флоренский — через оптику обратной перспективы и силу имени, Бахтин — через диалог голосов и карнавальный переворачивание иерархий. Вместе они объясняют, почему внерациональное решение не просто «ошибка», но другой способ быть в мире — со своим временем, пространством, иерархией и логикой. Пока я не пойму эту внутреннюю логику, я буду бесконечно удивляться тому, что «взрослые, умные люди» делают то, что снаружи выглядит как глупость. На самом деле они не глупы; они просто переключи-

лись в другой режим. Моя задача — научиться распознавать этот режим и понимать, когда и почему люди в него входят.

Ссылки к главе:

— *Флоренский П. А. История и философия искусства / свящ. П. Флоренский; [под общ. ред. игумена Андроника (Трубачева)]. — М.: Академический проект, 2020. — 623 с. — (Философские технологии). — ISBN 978-5-8291-3683-3.*

— *Флоренский П. А. Имена / П. А. Флоренский. — М.: Мысль, 2000. — ISBN 978-5-244-00969-9.*

— *Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1990. — 543 с. — ISBN 5-280-00710-2.*

— *Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1972. — 470 с.*

Глава 4. Три взгляда на бессознательное: Фрейд, Юнг и Эриксон о магии принятия решений

Лосев, Элиаде, Франкл, Генон, Флоренский, Бахтин — все они описывали внерациональное принятие решений на уровне культуры, философии и антропологии. Они объяснили, что это за реальность, почему человек в неё переключается и как меняется его восприятие. Однако за этими макропроцессами стоят конкретные психологические механизмы. Почему человек проецирует свои страхи на внешние «знаки»? Почему одни образы цепляют его внимание, а другие проходят мимо? Как работает внушение и можно ли его отличить от терапевтической метафоры?

Эти вопросы сто лет назад начали исследовать психоаналитики. Я обращаюсь к трём главным фигурам этой традиции — Зигмунду Фрейду, Карлу Юнгу и Милтону Эриксону. Они видели бессознательное по-разному. Фрейд объявил магию инфантильным мышлением, которое взрослый человек должен перерасти. Юнг увидел в магии универсальный язык архетипов и подарил эзотерикам интеллектуальное оправдание. Эриксон превратил «магию слов» в инструмент терапии, показав, что бессознательное можно не анализировать, а использовать. Каждый из них по-своему приблизился к пониманию того, что происходит в голове у бизнесмена, сверяющего важное решение с гороскопом, или у чиновника, идущего к гадалке.

Начну с Фрейда. Он не оставил отдельной большой работы о магии, но его идеи разбросаны по нескольким ключевым текстам — «Тотему и табу» (1913), «Психопатологии обыденной жизни» (1901), «Будущему одной иллюзии» (1927). И везде он проводит одну и ту же мысль: магическое мышление — это не ошибка познания и не недостаток образования, но закономерный этап психического развития, который в норме должен быть преодолен, однако в стрессовых ситуациях может возвращаться.

В «Тотеме и табу» Фрейд формулирует то, что считал сердцевиной магии: принцип «всемогущества мыслей». Этот термин он позаимствовал у своего пациента с неврозом навязчивых состояний, который после лечения смог описать свой прежний способ мышления: ему казалось, что стоит ему о чём-то подумать — и это обязательно случится. Применительно к обычному человеку это означает, что желание, страх или даже просто мысль о каком-то событии воспринимаются как реальная сила, способная это событие вызвать. Представьте себе начальника, который перед важным совещанием думает: «Только бы не провалиться». Чем сильнее он этого боится, тем более реальным становится провал в его сознании — хотя между его мыслью и реальностью нет никакой причинной связи. В этом и состоит всемогущество мысли: внутреннее переживание приравнивается к внешнему действию.

Фрейд объясняет этот феномен через анимизм — первобытную систему мышления, которая, по его убеждению, предшествовала и религии, и науке. Анимизм даёт человеку возможность «властвовать над миром» через магические ритуалы, потому что в этой системе психическая реальность (желание, страх, мысль) неотличима от реальности физической. Для Фрейда магия — это инфантильное мышление, которое сохраняется у взрослого человека под воздействием вытесненных желаний. Он прямо связывал магическое мышление с неврозом навязчивых состояний: человек, который не может выйти из дома, не проверив три раза, выключен ли утюг, и человек, который не может принять решение, не сверившись с гороскопом, делают одно и то же — они пытаются магическим действием нейтрализовать тревогу, вызванную бессознательным конфликтом.

Фрейд предложил и способ преодоления такого мышления — психоанализ. Идея проста и радикальна одновременно: сделать бессознательное сознательным. То, что было вытеснено, что управляет человеком изнутри, должно быть выведено на свет, названо, проработано. Фрейд верил, что знание освобождает. Если невротик поймёт, что его навязчивый ритуал связан с

подавленным детским желанием, ритуал потеряет силу. Точно так же, если человек, который каждое утро проверяет гороскоп, осознает, что за этим стоит страх перед свободой и ответственностью, он, возможно, перестанет нуждаться в звёздах.

В этом — и сила, и ограничение фрейдовского подхода для моей темы. Сила в том, что он даёт редуктивное, но очень элегантное объяснение: вся магия — это проекция внутренних конфликтов вовне. Ограничение в том, что он не оставляет места для возможности, что за магией может стоять что-то реальное. Для Фрейда любое обращение к сверхъестественному — уже симптом; он не задаётся вопросом, а что, если «знак» — не просто проекция? Психоанализ как метод не может ответить на этот вопрос, потому что его установка — сводить сверхъестественное к естественному. Это легитимная установка, но она не единственная.

Здесь я перехожу ко второму гиганту — Карлу Юнгу, который был учеником Фрейда, а потом его самым известным оппонентом. Юнг начинал как ближайший соратник Фрейда и считался его «кронпринцем». Однако в 1913 году произошёл разрыв, причины которого были не только личными, но и концептуальными: Юнг не принял фрейдовского сведения всего бессознательного к подавленной сексуальности. Ему казалось, что бессознательное гораздо глубже, богаче и древнее, чем личная история человека.

Так родилось понятие коллективного бессознательного — слоя психики, который является общим для всего человечества, передаётся по наследству и содержит универсальные структуры, названные Юнгом архетипами. Архетипы — это не конкретные образы (сказочная фея или античный герой), но формы, которые эти образы принимают в разных культурах. Это своего рода грамматика бессознательного, одинаковая для всех людей независимо от времени и места их жизни. Основные архетипы, которые выделял Юнг: Тень (подавленная, тёмная сторона личности), Анима и Анимус (женское начало в мужчине и мужское в женщине), Самость (архетип целостности), Мудрец (воплощение знания, интуиции, внутреннего наставника), Трикстер (плут, обманщик, разрушитель старых структур).

Для моей темы архетипы важны вот почему. Когда современный человек обращается к гадалке или астрологу, он, по Юнгу, не просто «верит в чушь»; он активирует архетипические структуры, которые оформляют его тревогу и неопределённость в узнаваемые, культурно укоренённые формы. Карты Таро не обладают магической силой сами по себе, но они служат проекционным экраном, на который бессознательное проецирует свои содержания. Гадание — это способ диалога с коллективным бессознательным, способ услышать голос архетипов.

Но Юнг пошёл дальше. В 1950-х годах он ввёл понятие, которое стало его самым влиятельным и самым спорным вкладом в изучение магии — синхронистичность. Это «значащее совпадение», которое не имеет причинной связи, но несёт глубокий смысл для того, кто его переживает. Классический пример из его практики: пациентка рассказывала ему сон, в котором ей подарили золотого скарабея (жука, священного в Древнем Египте). В тот момент, когда она рассказывала этот сон, Юнг услышал стук в окно; он открыл окно, и в комнату влетел жук, который оказался золотисто-зелёным скарабеем. Причинная связь отсутствовала — жук не мог знать о сне пациентки. Однако смысловая связь, с точки зрения Юнга, была очевидна. Юнг не утверждал, что такие совпадения доказывают существование магии; он утверждал, что они указывают на глубинный порядок реальности, не сводимый к причинно-следственным связям. Синхронистичность, по его мысли, была проявлением коллективного бессознательного, связующего внутренний мир человека с внешними событиями.

Юнгианская позиция вступает в прямой конфликт с фрейдовской и одновременно оказывается очень удобной для современных эзотериков. Фрейд сказал бы о случае со скарабеем: это просто совпадение, которое психика пациентки и самого Юнга наделила смыслом. Юнг сказал бы: нет, это синхронистичность, указание на то, что мир глубже, чем мы думаем, и бессознательное знает больше, чем сознание. Для моей темы Юнг даёт мощное объяснение тому, почему магические практики работают психологически — даже если они не работают

буквально. Гадание снимает тревогу не потому, что карты знают будущее, но потому что они активируют архетипические структуры. Синхронистические совпадения дают человеку чувство, что его жизнь не случайна, что он включён в большой, осмысленный узор.

Однако у юнгианского подхода есть та же проблема, что и у фрейдовского, только с другого края. Фрейд сводил магию к патологии; Юнг возвышал магию до универсального принципа. Ни тот, ни другой не могут отличить пустую проекцию (когда за «знаком» ничего нет, кроме психики самого человека) от наполненной (когда за «знаком» действительно кто-то стоит — ангел, бес, дух). Психоанализ и аналитическая психология как научные дисциплины принципиально не могут ответить на этот вопрос, потому что их метод — сводить сверхъестественное к естественному.

Здесь я перехожу к третьему, самому необычному мыслителю в этом ряду — Милтону Эриксону. Потому что Эриксон не объяснял магию и не возвышал её; он её использовал. Милтон Эриксон (1901—1980) — фигура уникальная. Он был психиатром, но не оставил систематической теории. Он был гипнотизёром, но его гипноз мало походил на классический — с маятником, приказами и «вы засыпаете». Его талант был в другом: он был рассказчиком, изобретателем метафор, «терапевтических фикций», которые помогали его пациентам меняться. Исследователи творчества Эриксона подчёркивают, что он уловил силу магии слов в языке здравого смысла; это соединение магической силы с житейской психологией объясняет его непреходящую популярность.

Эриксон верил, что люди постоянно входят в лёгкие трансовые состояния в повседневной жизни — когда читают книгу, смотрят фильм, ведут машину по знакомой дороге, погружаются в свои мысли. Его задача была не «вести человека в гипноз» магическим жестом, но углубить и направить эти естественные процессы. Главное новшество Эриксона — недирективный, «разрешающий» подход. В классическом гипнозе терапевт говорит пациенту: «Ты засыпаешь. Твоя рука становится тяжёлой». Это приказ, и он встречает сопротивление сознания. Эриксон делал иначе: он предлагал, создавал иллюзию выбора, присоединялся к реальности пациента.

Одна из ключевых техник Эриксона — «выбор без выбора», или двойная связка. Вместо «Ты заснёшь» он говорил: «Я не знаю, будете ли вы чувствовать себя более расслабленно сегодня или только завтра». Вопрос уже не в том, будет ли расслабление — оно будет, выбирается только время. Что это напоминает? Это очень похоже на то, что делает гадалка, когда говорит: «Звёзды не советуют тебе этого делать». Она не предлагает выбор «делать или не делать»; она предлагает выбор «ты можешь послушаться звёзд и поплатиться, или ты можешь послушаться и быть в безопасности». В обоих случаях решение уже принято за тебя — ты будешь слушаться звёзд. Иллюзия свободы, за которой скрывается жёсткая рамка.

Другая важнейшая техника Эриксона — «присоединение и ведение». Вместо того чтобы бороться с сопротивлением пациента, он сначала присоединялся к его реальности. Если пациент говорил: «Я никогда не смогу расслабиться», Эриксон отвечал: «Да, я понимаю, что для вас это сейчас кажется совершенно невозможным. И, возможно, именно поэтому ваше бессознательное выберет какой-то свой, особый способ расслабления». Он не отрицал сопротивление — он его использовал. Гадалка, которая говорит: «Я вижу, вы человек сомневающийся, рациональный. Вам трудно поверить в карты. Но именно поэтому ваше подсознание уже выбрало правильный ответ», — делает то же самое. Она присоединяется к скептицизму клиента и использует его как проводник к внушению.

Чем эриксоновский подход отличается от фрейдовского и юнговского? Фрейд говорил: «Осознай своё бессознательное — и ты освободишься». Юнг говорил: «Войди в диалог с бессознательным — и ты обретёшь целостность». Эриксон говорил: «Не нужно осознавать и не нужно вступать в диалог. Просто используй бессознательное. Оно уже работает. Твоя задача — направить его». Эта прагматическая установка делает эриксоновский подход очень привлекательным для бизнеса и управления: не нужно копаться в детских травмах, не нужно анали-

зировать сны, достаточно использовать силу внушения, метафоры и транса — и тогда можно влиять на решения других людей (и свои собственные). Не случайно многие бизнес-коучи, НЛП-практики и мотивационные спикеры апеллируют к Эриксону: он даёт технологию влияния без необходимости разбираться в сложных психологических механизмах.

Однако здесь же — и главная опасность эриксоновского подхода для моей темы. Техники Эриксона могут использоваться как для освобождения, так и для контроля. Терапевт, который помогает пациенту избавиться от фобии, и гадалка, которая убеждает клиента, что он должен платить ей ежемесячно, иначе «звёзды отвернутся», могут использовать одни и те же приёмы. Разница — в намерении и, если угодно, в источнике.

Фрейд, Юнг и Эриксон дали мне язык для описания механизмов внерационального мышления — проекции, архетипов, внушения. Фрейд объяснил регрессию и проекцию: мы приписываем внешним силам то, что на самом деле происходит внутри нас, особенно в моменты тревоги. Юнг добавил коллективное измерение: внерациональное работает не только как личная защита, но и как язык универсальных структур психики. Эриксон показал, что бессознательное можно не анализировать, а использовать — через метафору, внушение, присоединение.

Все три подхода, при всей их глубине, имеют общую границу. Они описывают механизмы. Они объясняют, как устроено внерациональное мышление и почему оно так живуче. Однако они не могут ответить на вопрос о качестве того, что человек принимает за «знак», «интуицию» или «голос бессознательного». Это просто его собственный внутренний шум, оформленный в красивую упаковку? Или за этим сигналом действительно что-то стоит — какая-то объективная, не зависящая от его психики реальность? Психоанализ и его наследники как методы принципиально не могут различить эти варианты, потому что их установка — сводить всё к внутреннему.

Для того чтобы продвинуться дальше, нужны иные инструменты — такие, которые не полагаются на ретроспективные рассказы пациентов и интерпретации терапевта, но опираются на измеримые данные, эксперименты и математическое моделирование. Мне нужно понять, что происходит в мозге человека в момент, когда он принимает внерациональное решение. Как работает интуиция — и где её пределы. Можно ли вообще доверять бессознательным сигналам в сложных, многофакторных ситуациях? Ответы на эти вопросы дают современные нейронауки о принятии решений, к которым я обращаюсь в следующей главе.

Ссылки к главе:

— Фрейд З. *Тотем и табу* / З. Фрейд; пер. с нем. М. В. Вульфа. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — 256 с. — ISBN 5-352-01625-0.

— Фрейд З. *Психопатология обыденной жизни* / З. Фрейд; пер. с нем. Г. В. Барышниковой. — М.: АСТ, 2011. — 256 с. — (Психология). — ISBN 978-5-17-059766-6.

— Фрейд З. *Будущее одной иллюзии* / З. Фрейд; пер. с нем. В. Полянского [и др.]. — М.: АСТ, 2009. — 256 с. — (Философия. Психология). — ISBN 978-5-17-056606-8.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.